

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И СУДЕБНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ
КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В
СОУЧАСТИИ**

Корчагин Анатолий Георгиевич

*канд. юрид. наук, профессор кафедры конкурентного
и предпринимательского права Юридической школы
Дальневосточного Федерального университета,
г. Владивосток*

Федотова Наталья Павловна

*Председатель Лесозаводского городского суда
Приморского края*

**MODERN TRENDS IN CRIMINAL LAW AND JUDICIAL ENFORCEMENT AND
PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED IN COMPLICITY**

Anatoly G. Korchagin

*Dr. of Law, Professor of Chair of Competition & Business Law,
Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok*

Nataliya P. Fedotova

*Chairman of court of the town of Lesozavodsk,
Primorye region*

АННОТАЦИЯ

Актуальность статьи определяется необходимостью повышения эффективности уголовного закона и решения проблем квалификации преступлений, совершённых в соучастии. Цель статьи – определить современные тенденции развития уголовного законодательства. В статье рассмотрены предложения по формированию мер противодействия организованной преступности.

ABSTRACT

The topicality of the article is defined by necessity of increase of effectiveness of criminal law and of solving problems of qualification of crimes, performed in complicity. The aim of the article is to define modern trends in development of criminal legislation. In the article there were considered propositions to form measures of countering of organized crime.

Ключевые слова: квалификация преступлений; соучастие в преступлении; тенденции уголовного закона; противодействие организованной преступности.

Key words: qualification of crimes; complicity in crime; trends of the criminal law; countering of organized crime.

1.1. Проблемы квалификации преступлений, совершенных в соучастии.

Соучастием в преступлении признается совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Правовой порядок института соучастия в российском уголовном праве заключается в том, что каждый соучастник вносит свой вклад в общее дело (совершение преступления), а также характер вклада различает их деяние. Совместное совершение деяния в соучастии и есть общее основание, единое основание их ответственности. Из приведенного определения можно выделить основные признаки соучастия, имеющие важное значение для правильной квалификации общественно-опасного деяния. Участие в преступлении двух или более лиц – количественный признак соучастия. Любой из них должен обладать всеми признаками субъекта преступления (ст. 19 УК РФ). «Необходимо иметь в виду, что совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (с. 20 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ), не создает соучастия (п.9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. №7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»)» [18,15-17; 21; 39,10]. Совместность – качественный признак соучастия. Она означает совершение преступления при взаимодействии соучастников и согласованности их поведения. Взаимосвязь включает: а) связь информационную между поведением соучастников и б)

связь (причинную) между, с одной стороны, общественно-опасным поведением и наступлением общественно-опасных последствий. Последнее играет роль лишь в преступлениях, определенных материальными составами. Согласованность означает наличие единства усилий соучастников для достижения общего результата. Следует обратить внимание на большое количество оценочных признаков соучастия в преступлениях, которое вызвано сложностью и многогранностью самого института соучастия. Предлагается в целях стабилизации практики разрешения уголовных дел формализовать ряд оценочных признаков. Так, обосновывается предложение по изменению ст. 32 УК РФ и оценочного признака «умышленность», участие на признак осознания». С предложением новой редакции ст. 32 УК РФ: «Соучастием в преступлении признаётся осознание участия двух или более субъектов преступления в совершении умышленного преступления» [32,7]. Термин «умышленный» используется в тексте ст. 32 УК РФ дважды, исключение ее распространяется на случаи неосторожного поведения. Причем, невозможно соучастие в неосторожном причинении вреда при выполнении сложных (с двумя формами вины) составов преступлений. Институт соучастия применяется лишь в рамках основного состава преступления. Неосторожный производный (дополнительный) результат не будет результатом соучастия [33,19].

В сложном соучастии с распределением ролей основанием для квалификации служит ст. 33 УК РФ, содержащая исчерпывающий перечень и характеристики действий каждого из соучастников преступления. Исполнителем может быть лицо, непосредственно, который сам полностью выполняет деяние, предусмотренных статьей Особенной части УК РФ. Законодатель принял Федеральный закон от 21.07.2014 г. №227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия». Статья 111, 112, 115 УК РФ были дополнены квалифицированным составом – совершением преступления с применением оружия и предметов, используемых

в качестве оружия. С криминологической точки зрения обоснованность и бесспорность такой криминализации вызывает возражения. В подавляющем большинстве случаев преступлений (исполнители) применяют не оружие, а предметы, используемые в качестве оружия, и в этих случаях различия между причинением вреда «голыми руками» и предметами, используемыми в качестве оружия крайне незначительны. Противоречия в оценке вооруженного насилия очевидны. С одной стороны, законодатель признал применение оружия насилием, опасным для жизни. С другой стороны, законодатель признает его признаком средней тяжести и легкого вреда здоровью и тем самым изводит вооружение действия до уровня насилия, не опасного для жизни и здоровья. [44,22-27] К сожалению, сегодня велика вероятность того, что внесение изменений в ст. 112 и 115 УК РФ приводит к кардинальным изменениям существующей правоприменительной практики. Следственно-судебные органы будут вынуждены отказаться от указания на субъект преступления в диспозициях норм Особенной части УК РФ [22,24-29; 48,46-50]. Представляется, что законодатель может использовать все способы в комплексе. Учитывая взаимосвязь между нормами Общей и Особенной частями УК РФ, в составах преступлений, объективную сторону которых фактически смогут совершить любые лица, следует расширить круг субъектов.

Организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими (ч. 3 ст. 33 УК РФ). Организатор отличается от других соучастников многоплановостью, многофункциональностью выполняемых действий, в связи с чем его квалификация чревата определенными сложностями и даже ошибками. Если организатор наравне с другими соучастниками непосредственно исполняет преступление, его действия должны быть квалифицированы как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ. Действия организатора по преступлениям со специальным субъектом согласно закону должны быть

квалифицированы по статье 33 УК РФ. Свои особенности имеет квалификация действий организатора, создающего организованную преступную группу, либо преступное сообщество. В этих случаях (квалификациях) зависит от законодательной конструкции соответствующего состава преступления и от судебной практики [43,178-180; 49,590-593]. Постановление Пленума Верховного Суда РФ толкует понятие руководство преступным сообществом как осуществление управленческих функций как в отношении преступного сообщества, так и его структурных подразделений, а также его отдельных участников, так и обеспечение деятельности преступного сообщества. Руководство преступным сообществом (преступной организации) может осуществляться как единоличным руководителем преступного сообщества (преступной организации), так и двумя и более лицами, объединившимися для совместного руководства, руководители структурного подразделения, руководителем (лидером преступной группы (п.10 постановления от 10 июня 2010 г. №12).

Наконец, последний вариант: сам организатор по независящим от него обстоятельствам не смог склонить других лиц к совершению преступления, его действия следует квалифицировать как приготовление к преступлению [36; 18,15-17; 28,39-41].

Подстрекатель, как лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления возбуждает решимость совершить конкретное преступление (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Закон содержит открытый перечень способов склонения к совершению преступления. Они делятся на а) убеждающие и б) принуждающие. К убеждающим способам подстрекательства, кроме названных в законе уговора и подкупа, относится предложение, совет, просьба и т.д. К принуждению способом пособничества, кроме приведенных в законе угроз, относится насилие, требование, приказ, распоряжение, поручение и т.д. При этом важно иметь в виду, что в любом случае взаимосвязь соучастников должна сочетаться с согласованностью их поведения. Подстрекательство необходимо отграничивать от организованной деятельности, ибо эти действия

до известных пределов схожи. Различие состоит в объеме и характере выполняемых действий. У организатора обычно деятельности гораздо больше, нежели у подстрекателя.

Ориентироваться не на объективные данные, свидетельствующие о направленности умысла, а на показания самого преступника. И квалификация деяний в этом случае будет осуществляться по фактически содеянному. Например, если в результате применения оружия наступит смерть потерпевшего, деяние будет квалифицировано по ст. 105 УК РФ, а если будет причинен тяжкий вред здоровью по ст. 111 УК РФ, средней тяжести или легкий вред здоровью по ст. 112 или 115 УК РФ соответственно [10; 11; 12]. Но при таком подходе сводится на нет цель внесенных в УК РФ изменений, а именно оптимизация практики противодействия вооруженных преступлений, поскольку «обесценивается» сама опасность вооруженного насилия и повышается латентность таких насильственных преступлений.

Необходимо отметить, также особенности квалификации соучастия со специальным субъектом, где исполнителем является специальный субъект, другие лица могут быть организаторами, подстрекателями, либо пособниками. Квалификация их действий происходит со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Верховный Суд РФ расширительно трактует соисполнительство в отдельный вид преступлений, указывая на то, что специальным субъектом (исполнителем) преступлений могут быть лица, за которыми юридически не закреплены полномочия, по которым в случае фактического выполнения юридически значимых деяний привлекаться к ответственности как исполнители [38]. Предлагаются следующие способы решения обозначенной проблемы:

- 1) в рамках института посредственного причинения вреда;
- 2) в рамках института соучастия в преступлениях, расширив объем понятия «исполнитель (соисполнитель) преступления».

Не вдаваясь в детальный анализ признаков, характерных для этого вида соучастников и способов осуществления подстрекательства остановится лишь на вопросах, имеющих значение для правильной квалификации. Так,

неудавшимся называется такое соучастие, при котором соучастники выполнили возложенные на них в процессе сговора действия, но исполнитель добровольно отказался от доведения преступления до конца. В соответствии со ст. 31 УК РФ исполнитель подлежит освобождению от уголовной ответственности (при отсутствии в его действиях иного преступления). При этом для принятия такого решения достаточно пассивной формы его поведения. Соучастие распадается.

Те, кто принимал участие в подготовке преступления, могут быть привлечены к ответственности за свои личные действия, например, за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ). Интересен и вопрос о возможности совокупности пособничества подстрекателю и подстрекательства исполнителю? С.Я. Улицкий [51,25-27] полагал, что:

- подстрекательство может проявиться не только в склонении к преступлению исполнителя, но и других соучастников;

- виновник может выступать не только в роли пособника исполнителя, но и в роли пособника подстрекателя;

- если эта фигура является одновременно пособником подстрекателем и подстрекателем исполнителем, то его действия можно квалифицировать как по совокупности преступлений и назначить ему наказание с учетом требований ст. 69 УК РФ.

Пособник помогает исполнителю в непосредственном выполнении преступления. Он не выполняет действий, образующих объективную сторону состава преступления и этим отличается от соисполнителя. Он не возбуждает намерения исполнителя совершить преступления, а может лишь укрепить его и этим отличается от подстрекателя. Пособник словом или делом участвует в совершении преступления, его вклад в общее дело находится в причинной связи с результатами общих усилий и совершении преступления, вменяется ему в полном объеме. В теории уголовного права обращалось внимание на роль посредника в преступлении, причем предполагалось, что если посредник содействует заключению сделки, то тогда роль посредника может быть оценена

как пособничество и не исключалось выделение действий посредника в самостоятельности состава УК РФ [19,12-16; 53,24-29; 52,71-77; 23,4-8; 47,64-70]. Законодатель федеральным законом от 04.03.2011 г. №97-ФЗ предусмотрел ст. 291.1 – УК РФ – посредничество во взяточничестве, что не противоречит существующему институту соучастия.

Проблема определения форм и видов соучастия по-прежнему вопрос теории уголовного права. Мнение, что новый УК РФ (в ст. 35 УК РФ) дает исчерпывающий перечень форм соучастия в преступлении вызывает сомнение. Уголовный закон как и раньше не использует понятия «форма соучастия», «виды соучастия». На наш взгляд, классификации форм соучастия в преступлении представляет собой также их деяние, в основу которого положены различные уровни (степени) общественной опасности совместного преступной деятельности. С учетом положения уголовного закона – классификация форм соучастия может быть следующей: 1) сложное соучастие (соучастие в тесном смысле слова); 2) групповое соучастие (соисполнительство); 3) соучастие особого рода (организованное соучастие). В свою очередь последние две формы подразделяются на виды, соответствующие разновидностям соучастия, перечисленными законодателем в ч.1-4 ст.35 УК РФ. Основанием выделения форм соучастия в данном случае выступает характер совместности соучастника и критерием разграничения группового и организованного соучастия – степень согласованности и ориентированности их совместной деятельности. При этом сложное соучастие с юридическим разделением ролей, ответственность за которую предусмотрена ст. 33 и 34 УК РФ. Групповое соучастие (соисполнительство) выделены законодателем в ч. 1 и 2 ст. 35 УК РФ (группа лиц и группа лиц по предварительному сговору). Термин «преступная группа», «групповое преступление», «групповой способ» широко используется в уголовно-правовой литературе. Проблемой является то, что в состав группы лиц по предварительному сговору, обязательно должно входить хотя бы два соисполнителя (данная точка зрения разделяется и Верховным Судом РФ (в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от

27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве»). Значит, если наряду с организатором, подстрекателем или пособником убийство непосредственно совершается одним исполнителем, то квалификация содеянного по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ невозможно ни в отношении исполнителя, ни в отношении других соучастников. Возникает вопрос: два лица предварительно договорились совершить убийство, причем одно из них выполняет роль организатора. Безусловно они являются соучастниками. Но форма их соучастия, оказывающаяся группой не образует [8,4-6]. Можно ли в таком случае утверждать, что действия двух соисполнителей без предварительного сговора более опасна, чем действие соучастников с распределением ролей, но с одним исполнителем? В этой связи мы предлагаем квалифицировать признак, предусмотренный п. «ж» ч.2 Ст. 105УК РФ – совершение убийства по предварительному сговору группой лиц – вменить каждому члену группы лиц по предварительному сговору во всех случаях, независимо от числа исполнителей.

Нам представляется странная позиция законодателя, который в главе 26 УК РФ ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 3 ст. 260 УК РФ не устанавливают разницы в степени общественной опасности очевидно разных форм соучастия с группой лиц по предварительному сговору и организованной группы, размещая их в рамках одной части статьи и предусматривает за совершение преступления при их наличии одинаковые пределы наказания. Едва ли это правильно и соответствует современной уголовной политике, в частности положением о необходимости дифференциации уголовной ответственности. Из содержания ч. 2 и ч. 3 ст. 35 УК РФ, следует, что отличие группы лиц от группы лиц по предварительному сговору участников от организованной группы заключается не в наличии заранее договоренности, а в том, что лица заранее объединяются для совершения преступлений [26,20-24].

Соорганизованность соучастников повышает и общественную опасность преступного объединения, что обусловило необходимость различия законодателем организованной группы (ч. 3 ст. 335 УК РФ) и преступного

сообщества или преступной организации (ч. 4 ст. 35 УК РФ). Мы разделяем мнение о том, что законодательное понятие преступного сообщества выходит за пределы традиционного понимания института соучастия [15,8-11].

1.2.Противодействие организованной преступности и уголовно-правовое воздействие. Состояние организованной преступности в последнее время имеет волнообразную динамику, темпы прироста которой в первые пятилетие варьировались в пределах 25-35 тыс. преступлений, а в последние пять лет амплитуда снизилась до 29-31 тыс. преступлений в год (при этом доля организованных преступлений снижается и составляет менее 1 %). Фактически, по оценкам экспертов, эти дела составляют не менее 10% [41,54-61]. Характеристика структуры и характера форм преступности показывают, что на первом этапе постсоветского периода, заключительная часть зарегистрированных преступлений, учтенных за организованными группами (до 80 %), составляют кражи, грабежи, разбои, вымогательства и другие общеуголовные преступления. Изменения в структуре зарегистрированной организованной преступности, начались в 2013 году, когда доминирующую долю составили преступления экономической направленности (до 60%). Кроме того, в последние годы в структуре организованной преступности появились преступления террористического и экстремистского характера, доля которых постепенно растет [9,32-34; 50,277-302; 1,55-65].

Анализ динамики состояния и структуры организованной преступности в постсоветский период позволяет влиять и на другие основные тенденции по развитию. Так, важной особенностью организованной преступности является криминализация экономических отношений, сопровождающаяся легализацией лидеров организованных групп. Сегодня, по оценке экспертов, 22 % экономики страны прямо или косвенно принадлежит организаторам и руководителям преступных сообществ и организациям, которые продолжают укреплять позиции в традиционных отраслях преступной деятельности.

В целом осложняется процесс расследования преступлений, совершенных организованными формированиями и это обстоятельство становится

очевидным только по итогам их раскрытия. При этом в последние годы организованные преступные группы в значительной мере активизировали усилия по противодействию правосудию. Организованная преступность серьезно влияет на формирование региональной власти в России, а отсюда – активные вовлечение в нее коррумпированных пособников различного уровня и сфер влияния. Между тем динамика преступлений коррупционного характера и связанных с ними преступлений по службе, совершенных в составе организованных групп или преступных сообществ в России, свидетельствуют о тенденции снижения их регистрации, с 1355 преступлений в 2000 г. до 447 в 2008 г. (в 3 раза). Вместе с тем, в настоящее время происходит расширение организованной группой коррупционных услуг, несмотря на предпринимаемые государством меры противодействия в этом направлении. По данным МВД РФ, криминальные структуры тратят на подкуп должностных лиц от 30 до 150 % доходов преступных сообществ (от 600 млрд. до 1 трлн. руб.). До 40 % от сумм кредитов или ссуд возвращается в виде наличности в карманы коррумпированных чиновников. При этом отличается устойчивая позиция перехода от решения разовых проблем за взятку к постоянному сотрудничеству на договорной основе [54].

Процесс становления организованной преступности достиг такого качественного и количественного уровня, при котором группировки вынуждены отстаивать свои интересы перед конкурентами. Все больше ужесточаются формы и методы борьбы за сферы контроля. Постоянная борьба за передел сфер влияния приводит к ожесточениям, столкновениям между преступными кланами и физическому уничтожению соперников, а это, в свою очередь, способствует появлению мощных преступных синдикатов, способных защитить свой преступный бизнес и своих членов.

Одной из современных тенденций российской организованной преступности является и расширение транснационального характера преступной деятельности. Развитая организованная преступность со временем неизбежно принимает международный или транснациональный характер.

Уровень регистрации преступлений, совершенных организованными преступными группами или преступными сообществами с использованием международных связей, т.е. транснационального характера, не высок, но стабилен. Их пик приходится на 2003 г. (496), а затем наблюдается некоторое снижение в регистрации – до 386 преступлений в 2008 г. В целом сложно констатировать высочайшую латентность этих преступлений: поскольку они имеют транснациональный характер, значительная часть преступной деятельности перенесена за пределы России. Современной тенденцией является процесс пересечения российской организованной преступности с террористической и экстремистской деятельностью, что во все предшествующие периоды ей не было свойственно [41,61; 28,7-8].

Современный криминологический анализ преступных сообществ позволяет сформулировать их следующие признаки:

1. Сложная (многоуровневая) структура преступного формирования; наличие в рамках криминального образования структурных подразделений (бригад, звеньев, блоков и т.д.).

2. Руководство преступным формированием сильным, авторитетным лидером; разделение функций управления сообществом и участием в конкретных преступлениях [45,39-47].

3. Устойчивость преступной структуры и сплоченность ее участников, достигаемая посредством установления и обеспечения иерархии подчинения, строжайшей дисциплины, единых и жестких правил взаимоотношений и поведения санкциями за нарушение неписанного «устава» сообщества, круговой поруки, разработки специальных мер защиты и конспирации и т.д.

4. Формирование в рамках криминального образования общей денежной кассы («общака»), контролируемой лидером.

5. Установление контактов с должностными лицами государственных и муниципальных в том числе правоохранительных органов, (коррупционные связи); стремление в максимальной степени обезопасить криминальное формирование, в том числе, придавая своей противоправной деятельности

легальный характер [2,4-8; 3,110-115; 24,13-15; 15,10]. И вчера и сегодня (изучение уголовных дел) свидетельствует о том, что одна из самых распространенных ошибок на стадии предварительного расследования преступлений данной категории (является отсутствие в материалах уголовных дел сведений, которые бы свидетельствовали о сплоченности организованной группы.). Значительная часть проблем связана с правильных оценок уже на ранних этапах расследования, уголовно-правовых признаков преступного сообщества. Если организованную группу законодатель определяет как устойчивую группу, то преступное сообщество (преступную организацию) называет сплоченной организованной группой. В науке уголовного права пока не выработано общепризнанного понятия сплоченности преступного сообщества (преступной организации). По мнению законодателя, сплоченность признак группы свойство организации. В судебной практике сложился подход, в соответствии с которым сплоченность членов преступных групп признается свидетельством ее устойчивости (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»). Это приводит к тому, что происходит слияние уголовно-правовых, криминологических, социологических, психологических критериев, создается множество вариантов для доктринального толкования [29,51-56; 13,16-20; 14,10-13]. В соответствии с новыми изменениями УК РФ для выявления преступного сообщества необходимо установить наличие организованной группы, обладающей определенной структурой, имеющая цель совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямой или косвенной финансовой или иной материальной выгоды. Таким образом, отличие преступного сообщества иной групповой формы совершения преступлений теперь более понятны (ч.4 ст. 35 УК РФ). Подтверждением данного суждения является п.2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества

(преступной организации), или участия в нем (ней)», в котором утверждается, что преступное сообщество – это организованная группа:

- обладающая структурированностью;

- созданная в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды;

- либо объединение групп, действующих под единым руководством, созданное в тех или иных целях. Таким образом, структурированность выступает обязательной и важнейшей характеристикой преступного сообщества. Не случайно, при отсутствии данного признака судебные органы исключают обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ [7,4-7; 32,20-22; 17,85; 18,15-17]. В теории уголовного права обращает внимание на то, что признак «организованности» должен разграничивать неорганизованные формы соучастия (соисполнительство, соучастие с распределением ролей, группу лиц и группу по предварительному сговору) и организацию (организованную группу, преступное сообщество (преступная организация)). Еще один момент заключается в том, что Пленум в Постановлении указывает на внутреннюю связь целей структурного подразделения с целями преступного сообщества (преступной организации)», необходимости их соразмерности и соответствия. Следовательно, если цели «группы лиц», «группы лиц по предварительному сговору», либо «организованной группы» не соответствует целям преступного сообщества (преступной организации) или выходят за их рамки, то такую группу нельзя признать структурным подразделением преступного сообщества (преступной организации) [31,39-41; 16,9-14]. По мнению П. Агапова, для повышения эффективности применяется ч. 4 ст. 35 УК РФ (и правильности применения многих норм Особенной части УК РФ) необходимо было отказаться от оценочных формулировок и использовать отсылочное изложение диспозиции: «Преступление признается совершенным преступным сообществом, если оно подготовлено или совершено структурированным, состоящим из двух или

более организованных групп, иерархическим объединением, созданным для систематического совершения преступлений» [4,4; 5,55-65]. С таким предположением следовало бы согласиться хотя бы потому, что использование критериев устойчивости, сплоченности, вооруженности не дает возможности отграничить иные организованные формирования осуществления экстремистской деятельности. Преступное сообщество (преступная организация) является иерархическим объединением преступных групп более высоких по уровню организации и более общественно опасные, чем незаконное вооруженное формирование, банда, террористическая организация, экстремистской группы или объединение, посягающее на личность и права граждан, которые являются разновидностями организованной группы. Особыми разновидностями преступного сообщества (преступной организации) являются террористические и экстремистские сообщества (организации). Только в составе преступного сообщества, по нашему мнению, могут быть совершены преступления, предусмотренные ст. 278, 279, 353, 359 УК РФ.

Новая редакция ч. 4 ст. 35 УК РФ включила указание на дополнительную (по сравнению с прежней редакцией нормы) цель. Для того, чтобы быть признанными членами не просто в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких, либо особо тяжких преступлений (цель №1), но и прямо или косвенно финансово или иной материальной выгоды (цель №2), которые непрерывно связаны с конкретным мотивом. Данное законодательное определение не лишено недостатков. Во-первых, определять качество криминальной структуры через тяжесть совершенных (планируемых) преступлений ее участниками не совсем корректно (для совершения тяжких и особо тяжких преступлений могут быть созданы и группы лиц по предварительному сговору и организованная группа). Во-вторых, в преступное сообщество (преступная организация) может фактически создаваться для совершения преступлений иной категории, а не только тяжких и особо тяжких (например, преступление в сфере экономической деятельности). В-третьих, указание на «получение прямо или косвенно финансовой или иной

материальной выгоды» осуществлено в целях приведения в соответствие российского уголовного законодательства с положениями Конвенции ООН против транснациональной преступности от 15 ноября 2010 г. [46] Вместе с тем преступное сообщество (преступная организация) может преследовать и иные цели, не связанные с получением указанной выгоды [6,5-6; 16,11; 37,48-51].

Изменения, внесенные в ч. 1 ст. 210 УК РФ, расширили объективную сторону состава преступления и дают больше, на наш взгляд, возможности правоохранительным органам для борьбы с преступными авторитетами. Благодаря данной формулировке (ч. 1 ст. 210 УК РФ) под уголовную ответственность подпадают действия, не только непосредственные создатели и руководители преступного сообщества, но и уголовных авторитетов, которые не имеют прямого отношения к созданию и руководству. Но при этом обладают контрольными и финансовыми полномочиями, в рамках деятельности данного сообщества. Однако обратим внимание, что при таком подходе можно привлечь к уголовной ответственности преступного авторитета при отсутствии прямого и косвенного умысла, а поэтому следственным органом во избежание злоупотреблениями собственными полномочиями необходимо не забывать о возможных эксцессах исполнителя и не нарушать принципов уголовного закона [25,19-22; 20,1477-1483]. Все общественно опасные деяния, перечисленные в ч. 1 ст. 210 УК РФ, могут быть выполнены субъектами, предусмотренными в ч.3 и 4 ст. 210 УК РФ, а именно «лицом с использованием служебного положения» и «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии». Возникает вопрос обоснования ли усилении уголовной репрессии в отношении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ)? По данному вопросу существуют различные суждения (практически, при одних и тех же доводах) В практической деятельности сотрудники правоохранительных органов не смогут игнорировать наличие в криминальном мире «преступной иерархии», поэтому они будут вынуждены в своей деятельности использовать криминологические познания в указанной сфере [30,53-57]. Другие же обращают внимание на то, что

терминологическое понятие преступной иерархии, высшего положения, а также лица, его заменяющего не имеют однозначного содержания (критерия), а потому являются не уголовно-правовыми, а криминологическими. Представляется методически и методологически неверным внедрение «размытых» категорий в отрасль законодательства, не допускающей аналогии [34,16-21].

На наш взгляд, есть более важный аргумент – это деятельность воров в законе и их общественная опасность. Если мы исходим из идеи, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ п. 24 предполагает учет не самого статуса лица, занимающего положение в преступной иерархии, а преступные действия конкретного лица, свидетельствующие его авторитете и лидерстве, то тогда неужели деятельность воров в законе должна предусматривать наказание в виде пожизненного лишения свободы? Сейчас, устанавливается наказание в виде пожизненного лишения свободы за некоторые преступления против общественной безопасности (в частности, за террористический акт), презюмирует, что их совершение влечет за собой многочисленные человеческие жертвы. Очевидно, что, к примеру, сам факт воровской сходки не влечет за собой столь разрушительные общественно-опасные последствия. С другой стороны, понятно ориентированность законодателя на борьбу именно с преступными авторитетами и непосредственными инициаторами и координаторами преступных сообществ. Но ведь авторитет в преступной иерархии заслуживается и за счет судимости преступника, а значит наказание для данной категории лиц можно увеличивать, используя норму уголовного закона о рецидиве преступлений. Грамматический способ толкования уголовного закона приведет к тому заключению, что лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии – это специальный субъект преступлений, занимающих руководящее место или играющий руководящую роль в системе отношений, сложившихся в преступных организациях, основанных на подчинении низших участников этой организации высшим, т.е. что фактически является лицом, осуществляющими

управленческие функции, определяющие основные направления преступной деятельности, организующие конкретные преступления [40,67-70]. При этом наличие у лица статуса «вора в законе» само по себе еще не является безусловным основанием считать его лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, поскольку наличие этого статуса не означает, что именно это лицо является лидером преступной организации.

На наш взгляд, сложности заключаются не в отсутствии идей теоретических возможностей ужесточения уголовной ответственности за участие в преступном сообществе (преступной организации) [35,12-16; 42,64-71], а основной проблемой применения рассматриваемых новелл уголовного закона является их криминологическая составляющая, которая не имеет однозначного толкования и требует обобщения судебной практики.

Список литературы

1. Агапов П.В. Основания и признаки криминализации организованной преступной деятельности // Государство и право. 2010. №3. С. 55-65.
2. Агапов П. Организация преступного сообщества (преступной организации): некоторые проблемы юридической оценки. // Уголовное право 2006. №2. С. 4-8.
3. Агапов П. Организация преступного сообщества (преступной организации): некоторые аспекты криминологической характеристики. // Уголовное право. 2008. №3. С. 110-115.
4. Агапов П. Организация преступного сообщества (преступной организации): некоторые проблемы юридической оценки. // Уголовное право, 2006. №2. С. 4.
5. Агапов П.В. Основания и принципы криминализации организованной преступной деятельности. // Государство и право. 2010. №3. С. 55-65.
6. Агапов П. Уголовно-правовое регулирование в сфере противодействия организованной преступности // Уголовное право. 2009. №6. С. 5-6.

7. Агапов П. Уголовно-правовое регулирование в сфере противодействия организованной преступности. // Уголовное право. 2009. №6. С. 4-7.
8. Арутюнов А. Квалификация преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору. // Уголовное право. 2007. №3. С. 4-6.
9. Арутюнов А.А. Современные тенденции групповой и организованной преступности. // Российский следователь, 2012. №22. С. 32-34.
10. Архив Краснодарского краевого суда, уголовное дело №1-99/15.
11. Архив Приморского краевого суда, уголовное дело 22/1806 за 2015 г.
12. Архив Ульяновского областного суда, уголовное дело №1-113/15.
13. Балеев С. О понятии преступного сообщества (преступной организации). // Уголовное право. 2007. №3. С. 16-20.
14. Балеев С. Соучастие в преступлении и организованной преступной деятельности: законодательная регламентация и доктринальное толкование. // Уголовное право. 2009. №5. С. 10-13.
15. Балеев С. Соучастие в преступлении: формы и классификации. // Уголовное право. 2006. №5. С. 8-11.
16. Белоцерковский С. Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы причинения. // Уголовное право. 2010. №2. С. 9-14.
17. Благоев Е.В. Уголовное законодательство: текст, комментарий, судебная практика (Общая часть). – М.: Проспект, 2015.
18. Бражников Д., Бычков В. Сплоченность как признак бандитизма. // Уголовное право. 2006. №1. С. 15-17.
19. Бриллиантов А. О правовой оценке роли посредника в преступлении. // Уголовное право. 2006. №5. С. 12-16.
20. Быков В.М. Постановление Пленума Верховного Суда РФ / «О судебной практике по уголовным делам о преступной экстремистской направленности»: Научный комментарий. // Право и политика. 2011. №9. С. 1477-1483.
21. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. №3.

22. Винокуров В.Н. Квалификация соучастия в преступлениях со специальным субъектом // Уголовное право. 2010. №2. С. 24-29.
23. Горбатович Д. Посредничество во взяточничестве: преобразование пособничества. // Уголовное право. 2011. №5. С. 4-8;
24. Коновалова И.Ю. Ответственность за организацию и участие в преступном объединении (необходимое соучастие) по российскому уголовному праву. // Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Казань, 2008.
25. Королев А.С. Борьба с преступными авторитетами в рамках новых положений Уголовного кодекса Российской Федерации (краткий анализ изменений, предусмотренных федеральным законом №245-ФЗ от 3 ноября 2009 г. // Российский следователь. 2010. №19. С. 19-22.
26. Лопашенко Н. Квалификация неоконченной деятельности и соучастия в экологических преступлениях. // Законность. 2007. №10. С. 20-24.
27. Мальцев В. Бандитизм: особо опасное социальное явление или юридическая фикция? // Законность. 2012. №10. С. 39-41.
28. Мацинский Р.В. Региональная криминологическая детерминация организованной преступной деятельности (по материалам Восточно-Сибирского региона. // Автореф... канд. юрид. наук – Иркутск, 2007.
29. Мондохонов А. Вопросы уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации). // Уголовное право. 2010. №2. С. 51-56.
30. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. №5. С. 53-57.
31. Мондохонов А. Структурное подразделение преступного сообщества (преступной организации). // Уголовное право. 2009. №1. С. 39-41.
32. Наумов С.Н. Оценочные признаки соучастия в преступлениях // Автореф... дис. канд. юрид. наук – Краснодар, 2009.
33. Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления // Автореф... дис. док. юрид. наук – М., 2006.

34. Никитин С.Г. Проблемные аспекты новелл УК РФ о преступных сообществах (преступных организациях). // Следователь. 2010. №1. С. 16-20.
35. Номоконов В.А., Железняков А.М. Организация преступного сообщества: реконструкция нормы. // Криминологический журнал. 2010. №1 (II). С. 12-16.
36. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. №3.
37. Панченко П., Кашенин В. Цели нападения при бандитизме. // Уголовное право. 2007. №3. С. 48-51.
38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2013 г. №64. «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» (п.7).
39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июля 2008 г. №8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)». // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. №8.
40. Рагулин А., Фефелов В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. 2010. №5. С. 67-70.
41. Репецкая А.Л. Российская организованная преступность в эпоху глобализации: состояние, структура, основные тенденции развития. // Криминологический журнал. 2010. №1 (II). С. 54-61.
42. Ростокинский И.В. К вопросу об ужесточении уголовной ответственности за участия в преступном сообществе. // Журнал российского права. 2007. №7. С. 64-71.
43. Семернёва Н.К. Квалификации преступлений (часть Общая и Особенная): научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2015.
44. Сидоренко Э.Л. Причинение вреда здоровью и применением оружия в свете изменений российского уголовного законодательства // Российский следователь. 2015. №5. С. 22-27.

45. Существует мнение, что основанием криминологической классификации являются преступники, как представители общественных отношений. Скоморохов Р.В. К вопросу об основании криминологической классификации. // Государство и право. 2010. №4. С. 39-47.
46. Собрание законодательства РФ. 2004. №40. Ст. 3882.
47. Ткачев И. Проблемы реализации уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве. // Уголовное право. 2012. №2. С. 64-70.
48. Трухин А.М. Соучастие в преступлении // Уголовное право. 2006. №3 С. 46-50.
49. Уголовное право России: Общая часть. Учебник. / под ред. Кропачева Б.В., Волженкина Б.В., Орехова В.В. – СПб: Издательский Дом С.- Петербург. гос. ун-та, 2006.
50. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / по ред. В.В. Лунеева - М.: Издательство Юрайт, 2010.
51. Улицкий С.Я. Институт соучастия в судебной практике // Законность. 2005. №11. С. 25-27.
52. Шарапов Р., Моисеенко М. Отличие физического посредничества во взяточничестве от дачи взятки. // Уголовное право. 2010. №1. С. 71-77.
53. Яни П.С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве. // Законность. 2013. №2. С. 24-29.
54. При этом наблюдается тенденция с одной стороны, сокращения выявления коррупционных преступлений, а с другой, когда при таком выявлении коррупционных преступлений до конца дошли всего 100 уголовных дел и только 30 коррупционеров по решению суда было осуждено. // Рос. газета, 15 июня 2012 г.